

Мы сегодня обсуждали варианты экономической политики на ближайшие 10 лет. Как нам представляется, одним из ключевых вызовов развития экономики России и других стран является образование. Значимость этого вызова нередко недооценивают. Вместе с тем широкая общественность привыкла к таким заклинаниям, как «образование – это самое главное», «образование – это то, что нам нужно». Я попробую посмотреть на ситуацию с другой стороны: образование – это огромный вызов, который может породить огромные проблемы в экономике и обществе, и уже порождает их (наряду с этим оно, конечно, представляет собой и позитивный вызов).

Традиционно экономисты рассматривают образование как отрасль, которая создает и общественные, и частные блага. При этом, чем ближе мы к школе, к тому, что называется *junior college*, тем больше значение общественного блага. В школе закладываются базовые навыки общения людей друг с другом, и все заинтересованы в том, чтобы встречающиеся на улице люди могли коммуницировать, не представляли друг для друга опасности.

Профессиональное образование, наоборот, считается в экономической теории доменом частного блага, поскольку оно формирует человеческий капитал – способность человека зарабатывать определенными профессиональными компетенциями. Именно с профобразованием увязывается так называемая образовательная премия (разница в заработках человека с высшим образованием и не получившего этого образования), которая служит измерителем человеческого капитала.

В России система образования имеет серьезнейшую структурную проблему. Наша школа слишком короткая для того, чтобы создать общественное благо, дать общее образование. Обучение длится всего 11 лет: мы поздно начинаем и очень рано заканчиваем. Российские дети выходят из школы в 17, а иногда и в 16 лет. Если мы посмотрим на развитые страны, то там люди учатся еще

1 или 2 года, как минимум. То, что у нас процесс обучения в школе недолог, имеет определенные негативные последствия. В обществе востребовано продвинутое общее образование – информатика, иностранный язык, презентационные навыки, высшая математика, основы экономики и права – так называемые предметы социализации. Особенность российской системы, сложившаяся за последние 25 лет, заключается в том, что у нас люди получают эти элементы общего образования в рамках профобразования. Причем эти составляющие критически важны для социального успеха.

С начала 2000-х годов сильно изменилась структура потоков поступающих. В 2001 г. на рынок труда из вузов выходило 680 тыс. человек, почти столько же из системы начального профессионального образования, чуть меньше из техникумов – 430 тыс. человек. Эта картина достаточно близка к тому, что было в предыдущие годы. Но уже в 2009 г. произошли серьезные изменения. Резко уменьшился приток на рынок труда из системы НПО и практически удвоился приход людей из вузов.

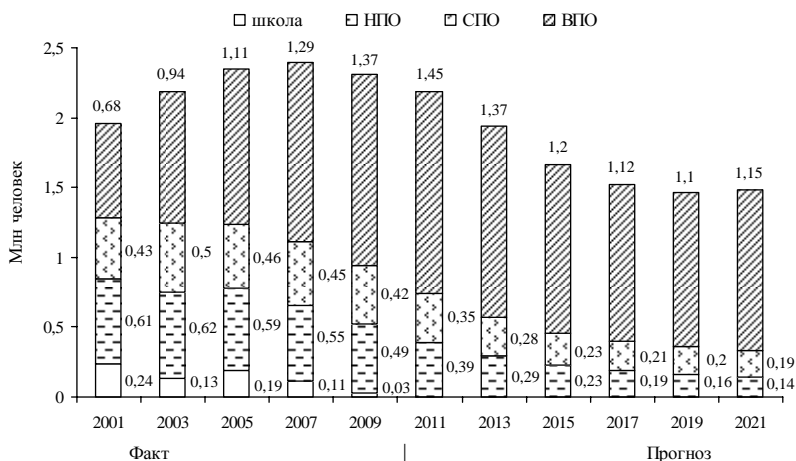

Рис. 1. Выход выпускников образовательных учреждений на рынок труда, млн человек

Сегодня охват молодежи высшим образованием в стране настолько высок, что нам впору говорить о массовом или даже всеобщем высшем образовании. Доля зачисленных в вузы в возрастной когорте 17 лет сегодня составляет 86–87%. Еще 10 лет назад речь шла о 50%. Люди не обязательно сразу поступают в университеты: некоторые идут в техникумы, после чего сразу или через некоторое время перетекают в вузы. К тридцати годам все они выходят на рынок

труда с высшим образованием. Это абсолютно невиданная ситуация для любой развитой страны.

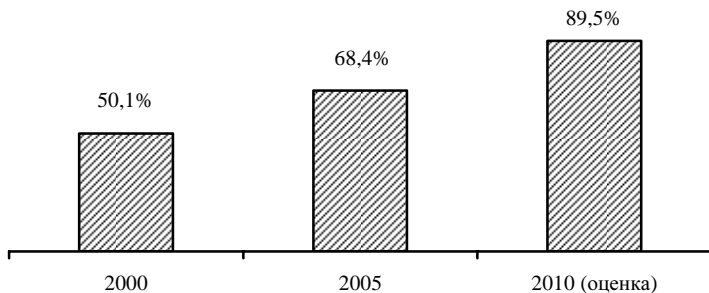
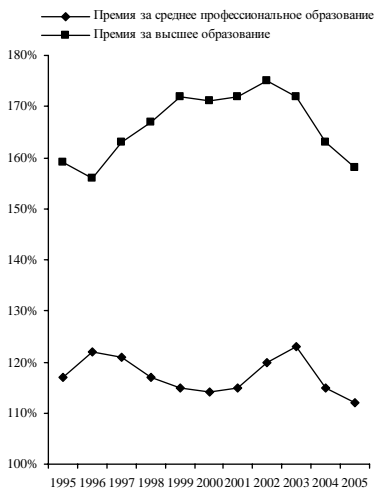

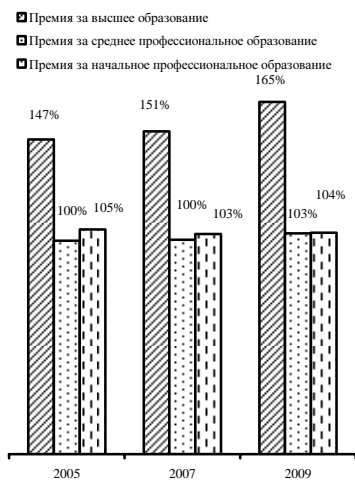
Рис. 2. Охват молодежи высшим образованием (отношение зачисленных в вузы к численности населения в возрасте 17 лет)

С одной стороны, столь ажиотажный спрос провоцируют сами выпускники школ и их родители. По нашим измерениям, которые проводил Фонд «Общественное мнение», 88% родителей выбирают высшее образование для своих детей. С другой стороны, российские работодатели предпочитают сотрудников с высшим образованием на любых должностях. Самое дикое, что даже при найме разнорабочего предпочтение будет отдано кандидату с вузовским дипломом.

Повышенный интерес к вузовскому диплому отчасти можно объяснить отдачей от высшего образования. В развитых странах премия за высшее образование составляет порядка 50–80%, в среднем 60–65%. В России в 1990-е годы и в начале 2000-х годов была относительно низкая премия за высшее образование. Это связано с тем, что значительная часть интеллигенции работала на предприятиях, которые не имели спроса, но продолжали существовать. За последние годы, когда завершился первый этап реструктуризации экономики, отдача от высшего образования быстро выросла. Теперь она находится на среднемировом уровне. На этом фоне премия за начальное и среднее профессиональное образование практически равна нулю. Если по данным РМЭЗ она колеблется в районе 10% (что в три раза меньше, чем в других странах), то по данным Росстата премия за НПО и СПО составляет всего 3–4%, т.е. на уровне статистической погрешности. Фактически выходит, что человек, который решает не получать высшего образования, избирает для себя тупиковую социальную траекторию.

По данным Российского мониторинга экономики и здоровья населения

По данным Росстата

Рис. 3. Премиа за высшее образование (отношение заработной платы работников с профессиональным образованием соответствующего уровня к заработной плате работников со средним (общим) образованием в 1995–2009 гг.)

Мы попытались сделать прогноз, как будет выглядеть рынок труда через несколько лет, опираясь на тенденции, которые уже складываются в системе. По нашим расчетам, если мы не откроем все вентили для миграции, то 43% рынка труда к 2020 г. придется на людей с высшим образованием. Напомним, что еще недавно их доля составляла 25%. Понятно, что рынок не сможет так быстро создать большое количество рабочих мест для этих людей, и они будут иметь сложности с трудоустройством. Тем не менее массовое предпочтение высшего образования имеет рациональную основу.

В известном исследовании OECD «Skill profile of jobs» в разных видах работы измерили долю рутинных операций: ручных, умственных, креативных, аналитических, связанных с коммуникациями. Выяснилось, что доля нерутинных навыков за 45 лет в мире выросла на 15%, а рутинный сектор сократился примерно на 8–10%. В длинном цикле мы можем считать, что рутинные операции, чисто исполнительский труд вытесняются. Конечно, такого рода данные не позволяют нам утверждать, что в ближайшие 30–40 лет экономика любой развитой страны сможет обойтись без исполнителей как низкой, так и высокой

квалификации, связанных с рутинными операциями, но в среде экспертов широко обсуждаются последствия такого сценария для рынка труда. Это дефицит исполнителей.

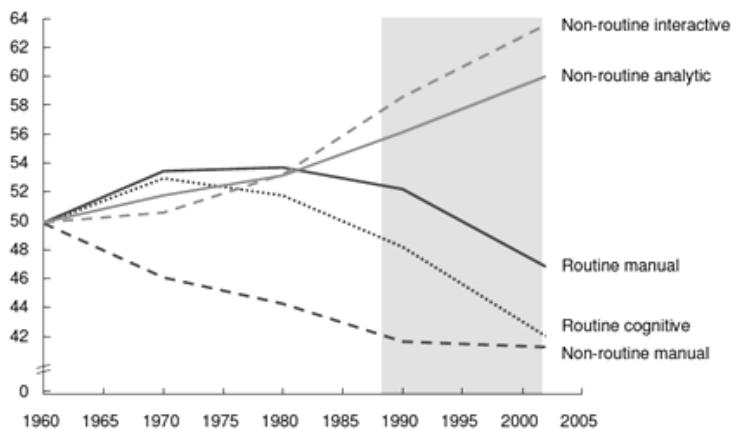

Рис. 4. Рациональная основа «предпочтения высшего образования»: страны ОЭСР

Фактически Россия присоединилась к клубу образованных богатых стран, которые импортируют людей, работающих руками. Сегодня на 70 млн трудоспособного населения, включенного в рынок труда, по разным оценкам, у нас приходится от 6 до 8 млн временных или постоянных мигрантов. Подавляющее большинство из них как раз занимают места исполнителей с базовой квалификацией.

Но есть и другая проблема – дефицит квалификации исполнителей. Если образовательная премия за среднее профессиональное образование останется на текущем уровне (а это и есть производство квалифицированных исполнителей), то Россия будет вытесняться даже с собственного рынка, не говоря о перспективах выхода на другие рынки с нашей обрабатывающей промышленностью или с интенсивным сельским хозяйством. Невозможно силой мысли сделать конкурентоспособными наши предприятия – там нужно работать руками, иметь культуру труда и производственную дисциплину.

Вместе с тем мы имеем другой вызов – это вызов квалификации. По мнению работодателей, уровень подготовки выпускников вузов стремительно ухудшается. Значительная доля руководителей считает, что они могут взять человека после любого учебного заведения, но при условии, что серьезно вложатся в его

дополнительное обучение. Сами учащиеся отмечают низкую полезность знаний и навыков, полученных в учебных заведениях.

Рис. 5. Собираются ли студенты вузов работать по специальности?

Самая низкая полезность знаний и навыков отмечена у тех, кто работает в машиностроении, сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности. Это базовые сектора советской экономики, которые у нас выжили.

Мы не только имеем избыток людей с высшим образованием, но и недостаток исполнителей. Рынок труда трудоизбыточен по отношению к работникам бюджетной сферы и к работникам предприятий на так называемом базовом контракте, к выпускникам вузов с общим высшим образованием, которые мало что умеют, но претендуют на чистую работу и достаточно высокий доход. Одновременно он трудонедостаточен по отношению к высококвалифицированным специалистам и работникам тяжелого физического и монотонного труда.

С конца 1970-х годов начал формироваться социальный стереотип, что карьера через техникум и ПТУ – удел низкосоциализированных, тех, кто плохо учился в школе. Это разительно отличается, например, от ситуации, с которой мы можем столкнуться в странах ЕС, где карьера высококвалифицированного

исполнителя обладает достаточно высоким социальным престижем, гарантирует высокий доход. В общем, нет особого социального разрыва между девушкой, которая выбрала университетское образование, и ее парнем, который стал авто-слесарем. В России эти люди просто относятся к разным социальным стратам, и это уже не только экономическая, но и социальная проблема.

Общество давно использует сложившуюся жесткую структуру вузов как механизм своей обязательной социализации. Люди востребуют высшее образование как благо, которое дает базовые социальные навыки и диплом. Исследование Ростислава Капелюшника и Владимира Гимпельсона показывает, что у нас до 20–30% людей с высшим образованием, например инженеров, работают на должностях, не требующих никакого высшего образования по определению. Это явный дауншифтинг. Но эти люди получают премию за факт наличия у них высшего образования: плюс 10–15% по сравнению с теми, кто такого образования не имеет. Я бы назвал это социальной премией, премией за социализацию. Такого рода ситуация, воспроизводясь, отвлекает огромные ресурсы из нашего образования и не дает возможности сосредоточить их на ключевых участках, где нам действительно необходимо обеспечить повышение качества образования.

В то же время значительная часть студентов не готова к освоению сложных профессиональных квалификаций в вузе. На основе данных, полученных в ходе мониторинга качества приема в высшие учебные заведения, мы можем судить об уровне подготовки поступающих на бюджетные места очной формы обучения. Примерно 40% первокурсников – это люди, которые по профильным предметам в школе имели два-три балла. Есть очень высокая вероятность того, что эти люди не смогут освоить необходимые профессиональные компетенции.

Зачислять людей с глубокой тройкой по физике и математике на места, где предстоит изучать высшую математику и сопромат – это очень высокий риск для общества. Последствия могут быть достаточно опасными. Фактически мы можем говорить о возникновении псевдообразования за счет бюджета в целом ряде российских вузов. Отличников – тех, кто набрал больше 70 баллов из 100 по ЕГЭ – совсем мало на металлургии, их нет вообще на авиа- и ракетостроении, на технологических машинах и оборудовании. Зато красная зона – получивших на ЕГЭ до 40 баллов – на тех же самых технологических машинах составляет 70%. Это серьезная проблема, к которой можно спокойно относиться, если мы заранее согласны, что эти люди, получив достаточные социальные навыки в вузе, пойдут работать секретарями в приемную или менеджерами торгового зала. Но это дорогое образование. В самое ближайшее время нам необхо-

димо предложить модели выхода из сложившейся ситуации, чтобы Россия сохранила конкурентоспособность в сфере образования.

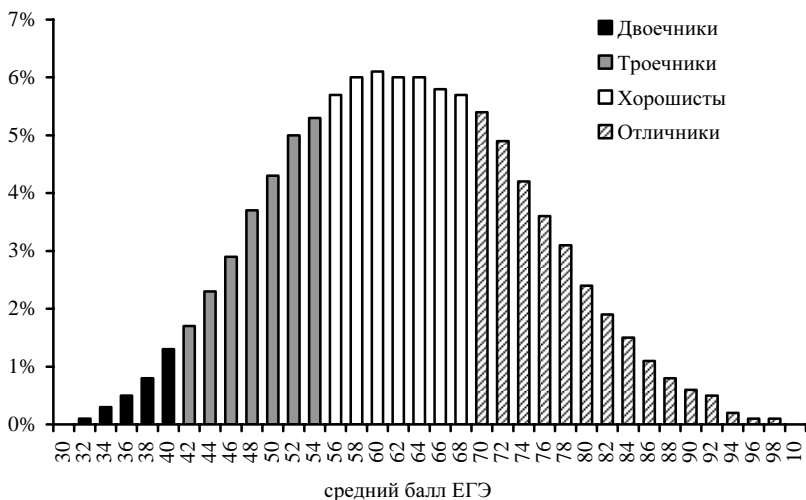

Рис. 6. Уровень подготовки поступающих в вузы (на бюджетные места очной формы)

Еще одна проблема – это мигранты. Для них характерен низкий технический уровень производства и психология временного работника. У них, как правило, нет стимулов к инвестициям в себя и повышению квалификации. Таким образом, растущая часть рынка труда оказывается вне системы профессионального образования, вне системы целенаправленного воздействия общества. Используя дешевый труд мигрантов, мы остаемся на крайне низком, неконкурентоспособном уровне качества услуг и производства. Опыт показывает, если мы можем жить в домах и ездить по дорогам, которые построили мигранты, потому что у нас нет выбора, то мы не можем распространить такого же рода миграционную модель даже на производство одежды. Мы уже вытеснены с этого рынка.

Мы имеем дело с парадоксом структуры. Предприятиям нужны квалифицированные рабочие и другие исполнители: 60% предприятий, опрошенных Высшей школой экономики, заявили, что у них большой дефицит квалифицированных рабочих. 20% предприятий отметили нехватку инженеров, в то время как у нас огромное перепроизводство инженеров по отношению к тем, кто реально входит в экономику. Есть дефицит квалифицированных экономистов и юристов, что совсем уже дико: у нас экономисты и юристы составили практически половину выпуска системы высшего образования. Такого нет ни в одной

стране мира. При этом нет дефицита офисных исполнителей, работников с базовым общим образованием, тех, кого мы называем офисным планктоном.

Что мы предложили бы изменить? Первая дилемма – можно ли устранить псевдообразование или псевдовуз, сохранив при этом возможность высшего образования для каждого? Попытка резко сократить прием на программы высшего образования, на мой взгляд, России явно не подходит. У нас настолько сильна социальная потребность в получении высшего образования как обязательного элемента социализации человека, что никто из известных политических деятелей, оказавшись в кресле президента России, не смог бы решиться на такой шаг. Позиция невмешательства также неприемлема, потому что к 2020 г. это приведет к накоплению примерно 20% людей с высшим образованием, устойчиво не находящихся привлекающей их работы. Такой сценарий опасен и социально, и политически и очень затратен экономически.

На наш взгляд, наилучшее решение данной проблемы – прикладной бакалавриат. Это модель, которая существует практически во всех развитых странах, где есть большой спрос на высшее образование. Ее преимущество в том, что, отучившись два года в вузе, человек может выбрать, что его больше привлекает – конкретная прикладная карьера квалифицированного исполнителя или академическая траектория. Прикладной бакалавриат – это своего рода открытая модель, оставляющая возможность для каждого человека использовать тот социальный лифт, которым обязано быть образование. Обучившись прикладным квалификациям и выйдя на рынок труда прикладным бакалавром, человек в любой момент может возобновить обучение и снова встать на академическую траекторию.

С 2001 г. доля выпускников не высших образовательных учреждений на рынке труда стремительно сжимается. Это абсолютно иррационально для экономики. Если мы перейдем на модель прикладного бакалавриата, то сможем существенно исправить сложившуюся ситуацию. Да, проблема все равно будет довлеть над нашей экономикой: останется высокой доля людей, которые, невзирая ни на что, будут развиваться по траектории академического высшего образования, отрицая любую работу руками. Но это будет уже не 80, а 55%. С этой пропорцией экономика может справляться.

Исполнители базовой и средней квалификации сейчас составляют 35% рынка труда. По нашей оценке, их доля к 2020 г. сократится примерно до 25%, к 2030 г. – до 20%. Как минимум половина этой группы – временные работники-мигранты. Нам надо с этим смириться, потому что никаких вариантов – ни демографических, ни социальных, ни образовательных – у нас просто нет. Нам

необходимо организовывать предварительное обучение в странах происхождения трудовых мигрантов. Мы должны вкладываться в программы их обязательной социализации: курсы русского языка, основ российской культуры и правовых знаний.

Следующая страта – это квалифицированные исполнители. Это программисты, системные администраторы, бухгалтеры, продавцы-консультанты, это квалифицированные рабочие, водители автобусов и т.д. – люди без которых мы не проживем. Они занимают примерно треть рынка – эта доля, по всей видимости, такой и останется. Их подготовка должна проходить на базе прикладного бакалавриата. Для этого необходимо включить колледжи в состав вузов. Предстоит создание учебных центров профессиональных квалификаций, государственно-общественной системы профессиональных квалификаций и профессиональных экзаменов. Эта система будет нужна и для следующей страты – специалистов с высшим образованием.

Специалисты с высшим образованием – это примерно 20% рынка труда. Думаю, что доля будет расти. К этой группе относятся люди с очень высокой квалификацией. Это интеллигенты, но их работа все-таки не креатив сам по себе, а контроль над регламентами. Это очень важная часть образованного класса, и мы должны видеть, что эти люди постепенно вытесняют чистых исполнителей. Обучение специалистов такого уровня должно проходить в прикладном бакалавриате и прикладной магистратуре. То есть мы должны наряду с академически ориентированной магистратурой создавать прикладную магистратуру, которая будет давать конкретные профессиональные компетенции.

Наконец, необходимо формирование креативного класса. Его участники очень разные – это исследователи, преподаватели, врачи, предприниматели, креативные менеджеры, художественная интеллигенция, аналитики, люди, которые работают в сфере массовых коммуникаций. По благоприятному прогнозу, их доля вырастет с 15 до 25% к 2030 г.

Исторический шанс нашей родины связан с тем, чтобы вырастить конкурентоспособный на международном уровне креативный класс. Значительные усилия в этом направлении уже предпринимаются государством. Министерством образования и науки отобраны ведущие вузы, созданы первые исследовательские университеты. Система олимпиад пока еще только развивается, но она должна дойти до младших классов, чтобы захватить новым смыслом обучение в школе сколько-нибудь проявивших талант и способности. Система бизнес-инкубаторов, инновационных парков вроде бы тоже есть, но пока что она ограничивается технологическими инновациями. Ей предстоит распространиться и на

социальные, и на экономические инновации, и на так называемые мягкие технологии. Необходимо поддерживать новые проекты, молодых предпринимателей и фрилансеров. Еще одна задача, которая стоит перед нами – это развитие стратегии «импорта мозгов». Здесь позиции России очень слабые. Отдавая свои мозги, мы практически не участвуем в импорте. Нам необходимо противостоять эмиграции, создавать такие условия, при которых наиболее талантливые выпускники наших вузов оставались бы в России.

Организационная перестройка системы профессионального образования мыслится в одном из вариантов так. К 2020 г. бакалавриат должен стать практически общедоступным и охватывать 80% выпускников школ. Я не думаю, что мы этот уровень когда-либо превзойдем, потому что есть чисто медицинские ограничения помимо социальных. При этом не меньше 20% возрастной когорты (лучше, если это будет 25%) должен занимать прикладной бакалавриат, который даст дополнительный шанс получить реальную квалификацию и найти заработок. Не меньше 40% – общий бакалавриат, он тоже должен иметь развилку на академический и прикладной. И несколько меньше 20% должен занимать бакалавриат исследовательских университетов и художественных вузов. Для этого нам придется укрупнить узкопрофильные вузы и ликвидировать так называемое ведомственное образование, сформировав университеты широкого профиля.

Очень важным направлением является вытеснение псевдообразования и образования низкого качества. Для этого можно предложить ряд конкретных мер, например, передать филиалы государственных вузов в состав региональных университетов, потому что они окормливаются одними и теми же преподавателями, которые бегают между ними. Нам нельзя забывать, что половина наших студентов – это заочники. Мы не имеем права оставлять их вне фокуса политики. Поэтому есть предложение создать 5–6 национальных открытых университетов, которые обеспечивали бы необходимое качество заочного образования с государственной поддержкой и вытеснили бы благодаря более высокому качеству те псевдовузы, которые контролируют значительную часть этого рынка.

Н.Ю. Гарифуллина, Петрозаводский государственный университет:
Ярослав Иванович, у меня вопрос, связанный с программой прикладного бакалавриата. С сентября, т.е. со следующего учебного года, начинается эксперимент по введению программы прикладного бакалавриата. На конкурсной основе были отобраны учебные заведения, причем принимать участие в этом конкурсе имели право учреждения среднего профессионального образования и ву-

зы, у которых есть лицензия на реализацию образовательных программ СПО. Значит ли то, что вы говорили, что в ближайшее время или произойдут какие-то изменения в нормативно-правовой базе, или, может быть, они уже произошли, и прикладной бакалавриат станет законной частью любого университета?

Я.И. Кузьминов: лучше на этот вопрос ответит министр образования и науки. Как ректор Высшей школы экономики я могу сказать, что, мы не участвуем в этом эксперименте, но мы с Центральным банком России создали прикладной бакалавриат по обучению сотрудников Центрального банка, и он успешно работает второй год. Ничто не мешает вузам не строиться в очередь за государственной поддержкой, а сделать рациональные движения, посмотрев на рынок труда, который вокруг, посмотрев, что очень важно, на уровень студентов, которые претендуют на образование. Если студенты имеют, как я уже показывал, достаточно низкие академические результаты, но при этом хотели бы продолжать обучение, мне кажется, одна из важных опций – это предоставление им траектории прикладного бакалавриата. Это гораздо более корректный и честный по отношению к этим людям элемент стратегии вуза. Насколько я понимаю, Андрей Александрович, у нас нет никаких ограничений для вузов, которые могут создавать у себя прикладной бакалавриат.

А.А. Фурсенко: я могу сказать, что 49 учреждений – 33 техникума и 16 вузов – участвуют в программе. Мы вносим предложения в новые нормативные акты, определенные шаги надо сделать. На основе этого эксперимента, я думаю, мы сможем предложить программы для всей высшей школы. Более того, у нас есть поручение Председателя Правительства о том, чтобы проработать более активно создание научно-образовательных кластеров, реализуя не только объединение каких-то вузов, но и реализуя присоединение к ним техникумов, в первую очередь тех, кто хочет и готов реализовывать программы прикладного бакалавриата. При этом интересно, что большая часть этих программ нацелена как раз на научно-техническую сферу. Если не ошибаюсь, по экономике и по педагогике есть, но они составляют менее 20%.

Вопрос: скажите, пожалуйста, в вашем исследовании рассматривался ли следующий аспект? Лица, которые идут за высшим образованием, рассматривают высшее образование не как обязательную ступень социализации, а как необходимое средство социальной мобильности? Как мне представляется, лица, которые идут за высшим образованием, это выходцы не из самых высоких страт.

Я.И. Кузьминов: это выходцы из всех страт нашего общества. На мой взгляд, социализация и выбор социальной мобильность есть одно и то же.

А.А. Фурсенко: можно я добавлю? Те, кто высокого статуса, учатся за границей. Коллеги, в нашем образовании огромное количество мифов. Один из них, что значительное число детей известных и обеспеченных родителей учатся за границей. За границей, действительно, люди зачастую получают дополнительное образование, они поступают в бизнес-школы, но базовое образование в подавляющем большинстве случаев они получают здесь. Я это могу сказать, встречаясь, общаясь с их родителями, общаясь с детьми, которые учатся, не во всех университетах, но есть несколько десятков университетов, в которые достаточно высокий конкурс, в том числе из людей из самых социально высоких, если так можно сказать, слоев населения.

Вопрос: когда разрабатывалась программа прикладного бакалавриата, учитывались ли запросы реального сектора экономики?

Я.И. Кузьминов: знаете, запросы реального сектора экономики явились основной причиной вообще выдвижения этой концепции.

А.А. Фурсенко: могу сказать, что по металлургии большой объем прикладного бакалавриата, причем, как правило, эти программы реализуются рядом с металлургическими комбинатами и именно с подачи работодателей. Я вижу ваше скептическое отношение, у нас есть достаточно серьезные сомнения в том, что вообще что ни делается, делается с пользой для дела. Могу сказать, что «Северсталь», «Магнитка» предлагают эти программы. Я допускаю вполне, что есть искусственно созданные программы, в том числе прикладного бакалавриата, думаю, что в процентном отношении их гораздо меньше, чем искусственных программ высшей школы.

Л.И. Якобсон: мне очень нравится, что все доклады, которые сегодня прозвучали, имеют научную обоснованность – не было просто такого, чтобы говорилось о мнениях, всюду был очень солидный исследовательский материал, и вместе с тем заостренность, дискуссионность. Значит, они не забудутся, будут обсуждаться. Вопросы задать можно будет на сессиях, на круглых столах, которые регулярно в Высшей школе проводятся.